

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

Дракулич-Прийма Драгана

Фразеологические единицы фразеосемантического поля лжи и обмана
в русском языке на фоне сербского языка

Специальность 10.02.01. – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Санкт-Петербург

2012

Работа выполнена на кафедре русского языка филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета

Научный руководитель:

Ивашко Людмила Александровна
доктор филологических наук, профессор

Официальные оппоненты:

Костючук Лариса Яковлевна
(доктор филологических наук, профессор
кафедры русского языка
Псковского государственного университета)

Кабанова Наталья Махарбековна
(кандидат филологических наук, доцент,
декан факультета русистики
Невского института языка и культуры)

Ведущая организация

Государственный педагогический университет
им. А.И.Герцена

Защита диссертации состоится «___» _____ 2012 года в _____ часов на заседании совета Д 212.232.18 по защите докторских и кандидатских диссертаций при Санкт-Петербургском государственном университете по адресу: 199034 Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11, ауд. 195.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. М.Горького Санкт-Петербургского государственного университета (199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д.7/9).

Автореферат разослан «___» _____ 2012 г.

И.о. ученого секретаря диссертационного совета

д.ф.н., проф. Н. В. Богданова

Настоящее диссертационное исследование посвящено изучению фразеологических единиц со значением лжи и обмана в русском языке на фоне сербского языка.

В современной лингвистике сопоставительное изучение фразеологизмов двух языков представляет большой интерес, т.к. именно «во фразеологизмах наиболее ярко проявляются национальный опыт, традиции и мировоззрение каждого народа» [Зиновьева, Юрков 2006].

Изучение фразеологии тесно связано с представлением о языковой картине мира (далее – ЯКМ), которая в работе понимается как мировидение, отображенное в единицах языка. Языковая картина мира «представляет собой огромную многослойную «мозаичную субстанцию», в которой каждая из ее частей требует к себе пристального внимания и детального скрупулезного описания» [Заметалина 2002]. Одной из таких частей, на наш взгляд, является фразеосемантическое поле (далее – ФСП).

Фразеосемантическое поле как фрагмент языковой картины мира последние годы не раз привлекало внимание многих исследователей. Изучение фразеологии на основе структурирования фразеосемантического поля выдвигается многими учеными [З.Д.Попова, И.А.Стернин, Н.Ф.Алефиренко, Е.И.Зиновьева и др.] как одна из самых популярных методик. Такое изучение фразеологии имеет для лингвистики большое значение, т.к. способствует более глубокому познанию языковой природы фразеологических единиц (далее – ФЕ), выявлению парадигматических отношений внутри поля, построению фразеологической картины мира.

Фразеология как самостоятельная дисциплина в русском и сербском языках развивалась по-разному. По сравнению с русской, сербская фразеология изучена в значительно меньшей степени. Однако в последнее время появляются исследования, которые свидетельствуют о некоторой динамике, наметившейся в изучении русско-сербских фразеологических взаимосвязей [Мршевић-Радовић 2008, Пејановић 2008 и др.].

Актуальность настоящего диссертационного исследования обусловлена тем, что оно включается в круг вопросов, посвященных изучению языковой картины мира, а также множественностью и разноплановостью аспектов рассмотрения национальной языковой картины мира и составляющих ее фразеосемантических полей. Кроме того, актуален выбор в качестве объекта анализа фразеосемантического поля, которое объединяет единицы, обозначающие ложь и обман, поскольку данное поле является одним из ядерных полей языковой картины мира практически во всех языках, и вместе с тем в каждом языке имеет национально-культурную специфику.

Объектом исследования являются фразеологические единицы со значением лжи и обмана в русском и сербском языках.

Предметом исследования служат национально-культурные особенности семантики и функционирования данных фразеологических единиц в дискурсах художественной литературы и периодической печати.

Основной целью исследования является сопоставительное изучение и семантический анализ фразеологических единиц фразеосемантического поля лжи и обмана в русском и сербском языках, фиксирование сходства и различий русской и сербской языковых картин мира на материале данных фразеологических единиц.

В соответствии с поставленной целью в диссертации решаются следующие **конкретные задачи**:

1) рассмотреть теоретические основы изучения языковой картины мира и составляющих ее фразеосемантических полей;

2) определить состав фразеосемантического поля лжи и обмана в русском и сербском языках и распределить выделенные фразеологические единицы по фразеосемантическим группам (далее – ФСГ);

3) предложить классификацию единиц поля с точки зрения их принадлежности к ФСГ, относящимся к ядру и периферии поля;

4) установить элементы сходства и различия фразеологизмов сопоставляемых языков в рамках исследуемого поля;

5) проанализировать ФЕ поля с точки зрения наличия в их семантике культурно-значимой информации и дать историко-этимологические комментарии;

6) выявить и классифицировать способы перевода ФЕ со значением лжи и обмана с русского на сербский язык, и наоборот;

7) разобрать на конкретных примерах из художественной литературы и публицистики типичные ошибки, возникающие при переводе фразеологизмов рассматриваемого поля, предложить правильные способы подбора фразеологических соответствий и перевода таких ФЕ.

Материалом для исследования послужила совокупность ФЕ со значением лжи и обмана, полученная путем сплошной выборки соответствующих единиц из фразеологических и толковых словарей русского и сербского языков. Кроме лексикографических изданий, фразеологический материал извлекался из произведений русских и сербских писателей (Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова, А.Н. Островского, М. Селимовича, И. Андрича, Б. Нушича, С. Сремца и др.), а также из публикаций в периодике.

Общий объем проанализированного русского материала представлен 301 фразеологической единицей, объем сербского материала – 186 фразеологическими единицами.

При анализе языкового материала использовались собственно лингвистические **методы исследования** – описательно-аналитический и синхронно-сопоставительный, в рамках которых применяется методика компонентного анализа значения фразеологизмов, методика структурирования семантического поля.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Фразеосемантическое поле лжи и обмана представляет важный фрагмент языковой картины мира носителей русского и сербского языков.
2. Фразеосемантическое поле лжи и обмана как фрагмент русской и сербской языковой картины мира является сложным системным образованием, отличающимся динамичностью состава и незамкнутостью границ. Фразеосемантическое поле открыто для проникновения в него новых единиц в результате развития самих языков и взаимодействия поля с другими фразеосемантическими полями.
3. Внутри фразеосемантического поля лжи и обмана выявляется общность структурно-семантических моделей фразеологизмов русского и сербского языков, что объясняется родственной близостью этих славянских языков.
4. Фразеологизмы поля лжи и обмана отличает повышенная эмоционально-экспрессивная окраска, которая обуславливает высокую национальную специфику фразеологизмов данного ФСП и дистанцирует выразительные средства двух языков. Близость структурно-семантических моделей при оценочно-смысловых расхождениях зачастую приводит к искаженному восприятию ФЕ и серьезным ошибкам в переводе.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что в нем впервые в полном объеме осуществлен семантический анализ фразеологизмов фразеосемантического поля лжи и обмана в русском и сербском языках. В работе раскрыты парадигматические отношения фразеологических единиц внутри поля, охарактеризована их образная основа и национальная специфика, в семантике фразеологических единиц выявлена культурно-значимая информация. На материале единиц поля показаны возможные правильные способы перевода национально-коннотированных фразеологизмов с русского языка на сербский и с сербского на русский.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что результаты исследования важны для разработки теоретических проблем, связанных со спецификой изучения фразеологической картины мира и построением типологии фразеосемантических полей, принципами перевода фразеологических единиц в близкородственных языках.

Практическая значимость работы определяется возможностями использования ее результатов при сопоставительном изучении фразеологического состава родственных языков; при обучении русских студентов сербскому языку и сербских студентов – русскому; в переводческой практике; при создании двуязычных фразеологических словарей. Полученные результаты могут быть использованы в лекционных курсах по фразеологии и теории перевода, при составлении методических пособий.

Апробация работы. Результаты исследования докладывались и обсуждались на аспирантском семинаре кафедры русского языка филологического факультета СПбГУ и на

международных научных конференциях преподавателей и аспирантов СПбГУ. Основные положения диссертации отражены в шести публикациях.

Структура: диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной научной литературы, списка словарей и их сокращенных наименований, списка источников и двух приложений.

Библиографический список включает 254 наименования, из них 193 – на русском языке, 57 – на сербском языке, 2 – на английском языке, 1 – на немецком и 1 – на испанском языке. Список использованных словарей состоит из 42 наименований.

Основное содержание работы

Во **Введении** обосновывается актуальность и научная новизна диссертационного исследования, формулируются основная цель и задачи работы, приводятся выносимые на защиту положения, дается характеристика материала, основные методы его изучения, обосновывается теоретическая значимость работы и указываются возможные области практического применения полученных результатов, определяются объем и структура диссертации. Во введении также обзорно представлены основные труды и лексикографические справочники по сербской (сербохорватской) фразеологии, как и те исследовательские работы, в которых русская и сербская фразеология рассматриваются в сопоставительном плане, и прослеживается история русско-сербских фразеологических взаимосвязей.

Первая глава **«Фразеосемантическое поле как фрагмент языковой картины мира»** посвящена обсуждению круга вопросов, связанных с пониманием терминов «языковая картина мира» и «фразеосемантическое поле».

В параграфе **I.1. «Понятие языковой картины мира в лингвистических исследованиях»** внимание уделено проблемам изучения данного понятия, в особенности истории его развития в зарубежной и русской лингвистике. В параграфе обзорно рассмотрено представление о языковой картине мира, уходящее корнями в учение немецкого философа XIX века В. фон Гумбольдта, его последователя – главы немецкого «неогумбольдтианства» Й.Л. Вайсгербера, американских этнолингвистов Э. Сепира и Б.Л. Уорфа и их некоторых современных последователей (А. Вежбицкая).

Проанализированные монографии и статьи зарубежных и российских ученых, посвященные этой теме, позволяют выделить две различные концепции – вербалистскую и авербалистскую. Согласно первой, «язык не познает мир, а, следовательно, и не создает какой-либо картины мира», существует единая картина мира, и отражение нашим сознанием не зависит от этноязыковой системы, поскольку когнитивные процессы для всех людей являются универсальными (Г.В. Колшанский, Б.А. Серебренников и др.).

Другой круг ученых (В.И. Постовалова, А.В. Кравченко и др.), предполагает множественность «семантических вселенных»: сколько языков – столько и ЯКМ и уникальных мироотражений» [Корнилов 2003].

Согласно такому подходу, изучение ЯКМ дает ключ к реконструкции национальной картины мира, к постижению ментальности и культуры данного языкового сообщества. Такая точка зрения представляется нам более правомерной, т.к. каждый определенный этнос имеет свою специфическую, национальную языковую картину мира, которая во многих аспектах пересекается с общечеловеческой. Наиболее яркими проявлениями национальной языковой картины мира являются пословицы, поговорки, фразеологизмы, что позволяет говорить о фразеологической картине мира [Фархутдинова 2000, Хайруллина 2000, Мокиенко 2007, Георгиева 2011 и др.].

Параграф **1.2. «Теория поля в лингвистике и типы полей в лингвистических исследованиях»** посвящен вопросам теории семантического поля в зарубежной и русской лингвистике. Внимание уделено взглядам Й. Трира, считающегося основоположником метода семантического поля. Среди российских исследователей, занимавшихся данным вопросом, более подробно рассмотрены труды Г.С. Щура, Ю.Н. Караулова, Л.М. Васильева, С.Г. Шафикова, З.Д. Поповой, И.А. Стернина, В.В. Воробьева, Е.И. Зиновьевой и др. Эти работы позволяют заключить, что изучение семантических полей получило широкое распространение во фразеологии неслучайно, т.к. дает возможность «более адекватно описать связь языка с действительностью, соотношенность его с внеязыковой реальностью» [Караулов 1976].

В теории поля в современной лингвистике, опираясь на труды З.Д. Поповой и И.А. Стернина, можно выделить три принципа исследования: а) семантический принцип, где предметом изучения являются группировки языковых единиц, объединяемых на основе общности выражаемого ими значения; б) функциональный принцип, в котором изучаются группировки языковых единиц, объединенных по общности выполняемых ими функций; в) функционально-семантический принцип – комбинация первых двух принципов. В настоящем исследовании мы придерживаемся семантического принципа, согласно которому ФЕ поля лжи и обмана, в зависимости от оттенков их значений, отнесены к различным фразеосемантическим группам. Кроме того, внутри ФСГ учитываются также особенности структуры ФЕ и их компонентного состава.

В работе использовались следующие определения: *Фразеосемантическое поле (ФСП)* – совокупность ФЕ различных лексико-грамматических разрядов, объединенных определенным семантическим признаком; *Фразеосемантические группы (ФСГ)* – набор единиц, объединенных одним значением внутри группы; *Эквивалентность*, понимаемая как межъязыковое тождество семантических структур ФЕ [Ивашко 1981]. Фразеологизмы в работе подразделяются на: а) полные эквиваленты, т.е. русские и сербские ФЕ, совпадающие по образности, семантике, стилистической окраске и составу компонентов; б) частичные эквиваленты – ФЕ, совпадающие по

образности, семантике, стилистической окраске, но незначительно различающиеся по составу компонентов.

Вторая глава «**Семантический анализ фразеологических единиц фразеосемантического поля лжи и обмана**» посвящена анализу семантики и функционирования фразеологических единиц русского языка в сопоставлении с сербским языком с целью выявления национального мировидения и мировосприятия и культурной коннотации сквозь призму фразеологических единиц данного поля.

В параграфе **II.1 «Философско-лингвистическое осмысление понятия *ложь*»** рассмотрены работы Н.Д. Арутюновой, В.А. Масловой, А.Д. Шмелева и др., посвященные данной тематике. Дан краткий анализ представления о лжи в учении некоторых античных философов (Платон, Сократ), христианских мыслителей (Блаженный Августин, В. Соловьев), известных писателей (Ф.М. Достоевский, Б. Нушич). Также здесь анализируются основные работы современных западных авторов (Х. Вайнрих, Дж. Лакофф, Д. Болинджер, А. Вежбицкая и др.), которые в своих исследованиях рассматривали понятия «истина» и «ложь». Особое внимание уделяется христианскому (православному) представлению о лжи, т.к. при противопоставлении истины и лжи, благодаря христианскому учению, языческие представления об этих понятиях получают новое развитие.

Параграф **II.2. «Этимология слов *ложь* и *обман*»** посвящен генезису этих слов в русском и сербском языках. Наряду с этимологическими словарями русского и сербского языков, внимание в параграфе уделено взглядам В.В. Колесова [Колесов 2004] на развитие основных понятий русской ментальности, среди которых встречаем и *обман*. В своем исследовании на материале древнерусских рукописей В.В. Колесов показывает, как в русском языке, приобретая новые значения или дополнительные оттенки значений, закреплялись такие слова, как *хитрость*, *лукавство*, *лесть*, *обман*, *проньера*, *лжец*.

При структурировании ФСП лжи и обмана мы опирались на предложенную ученым классификацию, согласно которой глаголы со значением обмана условно подразделяются на три группы: 1. Глаголы со значением ‘очень хитро, ловко обмануть’: *объехать*, *обставить*, *провести*, *обойти* и др.; 2. Глаголы с дополнительным значением ‘поставить человека в глупое положение’: *оболванить*, *одурачить*, *околпачить* и др.; 3. Глаголы, связанные с обманом в денежных ситуациях: *обдурить*, *обставить* и др.

В параграфе **II.3. «Структура фразеосемантического поля лжи и обмана»** представлена структура обширного, негативно коннотированного ФСП лжи и обмана в русском и сербском языках. При проведении классификации отобранных фразеологических единиц выяснилось, что данное поле состоит из 18 фразеосемантических групп, общее количество фразеологизмов поля в нашем материале насчитывает 301 русскую и 186 сербских ФЕ. Полное

количество фразеологических единиц, которые по тем или иным признакам можно отнести к настоящему полю, безусловно, превышает приведенные цифры и вряд ли поддается точному подсчету по причине их высокой активности и продуктивности, практически постоянного обогащения ФСП за счет новых культурных и масс-медийных стереотипов, жаргонной и диалектной лексики и фразеологии, а также за счет взаимодействия рассматриваемых ФЕ с другими фразеосемантическими полями.

Анализ состава и структуры ФСП лжи и обмана позволяет выделить ядро, околоядерную зону, а также его ближнюю и дальнюю периферии. Выделенные внутри всего поля по семаническому признаку условные ФСГ и фразеосемантические микрогруппы (далее – ФСМГ) имеют разный объем и разную структуру. В состав ядерной и околоядерной зоны входят ФЕ, где сема лжи и обмана является доминирующей. Во фразеологических единицах, образующих группы на периферии поля, сема лжи и обмана присутствует, но выражена менее эксплицитно.

К ядру фразеосемантического поля лжи и обмана относятся следующие ФСГ (названия условные): 1. ФСГ «лгать»: русских ФЕ – 30, сербских ФЕ – 14; 2. ФСГ «ложь»: русских ФЕ – 1, сербских ФЕ – 2; 3. ФСГ «ответ на ложь»: русских ФЕ – 5, сербских ФЕ – 3; 4. ФСГ «лгун»: русских ФЕ – 9, сербских ФЕ – 6; 5. ФСГ «вводить в заблуждение»: 1) ФЕ, относящиеся к интеллектуальной сфере человека: русских ФЕ – 12, сербских ФЕ – 9; 2) ФЕ, описывающие воздействие на части тела человека: русских ФЕ – 23, сербских ФЕ – 13; 3) ФЕ, образность которых построена на событиях внешнего мира: ФСМГ «охота, рыбная ловля»: русских ФЕ – 13, сербских ФЕ – 7; ФСМГ «обман-игра»: 9 русских ФЕ – 9, сербских ФЕ – 7; ФСМГ «нечестная торговля, нечестное обогащение»: русских ФЕ – 19, сербских ФЕ – 25; ФСМГ «объехать на кривых»: русских ФЕ – 14, сербских ФЕ – 5;

К околоядерной зоне относятся следующие ФСГ: 6. ФСГ «давать ложные, невыполнимые обещания; наобещать»: русских ФЕ – 12, сербских ФЕ – 11; 7. ФСГ «жертвы обмана и самообмана»: русских ФЕ – 17, сербских ФЕ – 18; 8. ФСГ «притворяться»: русских ФЕ – 24, сербских ФЕ – 14; 9. ФСГ «обманщики и ловкачи»: русских ФЕ – 22, сербских ФЕ – 4; 10. ФСГ «обманный маневр»: русских ФЕ – 6, сербских ФЕ – 3; 11. ФСГ «обман-мираж, иллюзия»: русских ФЕ – 5, сербских ФЕ – 9; 12. ФСГ «средства дезинформации»: русских ФЕ – 6, сербских ФЕ – 4; 13. ФСГ «вымысел»: русских ФЕ – 35, сербских ФЕ – 15; 14. ФСГ «мистер икс»: русских ФЕ – 3, сербских ФЕ – 2.

К ближней периферии ФСП лжи и обмана относятся: 15. ФСГ «хитрец»: русских ФЕ – 21, сербских ФЕ – 9; 16. ФСГ «хитрить»: русских ФЕ – 12, сербских ФЕ – 3.

К дальней периферии ФСП относятся: 17. ФСГ «хвастаться»: русских ФЕ – 3, сербских ФЕ – 4; 18. ФСГ «хвастун»: русских ФЕ – 4, сербских ФЕ – 1.

В данной главе рядом с некоторыми фразеологическими единицами, там, где это необходимо в целях уточнения, приводятся толкования их значений и стилистические пометы,

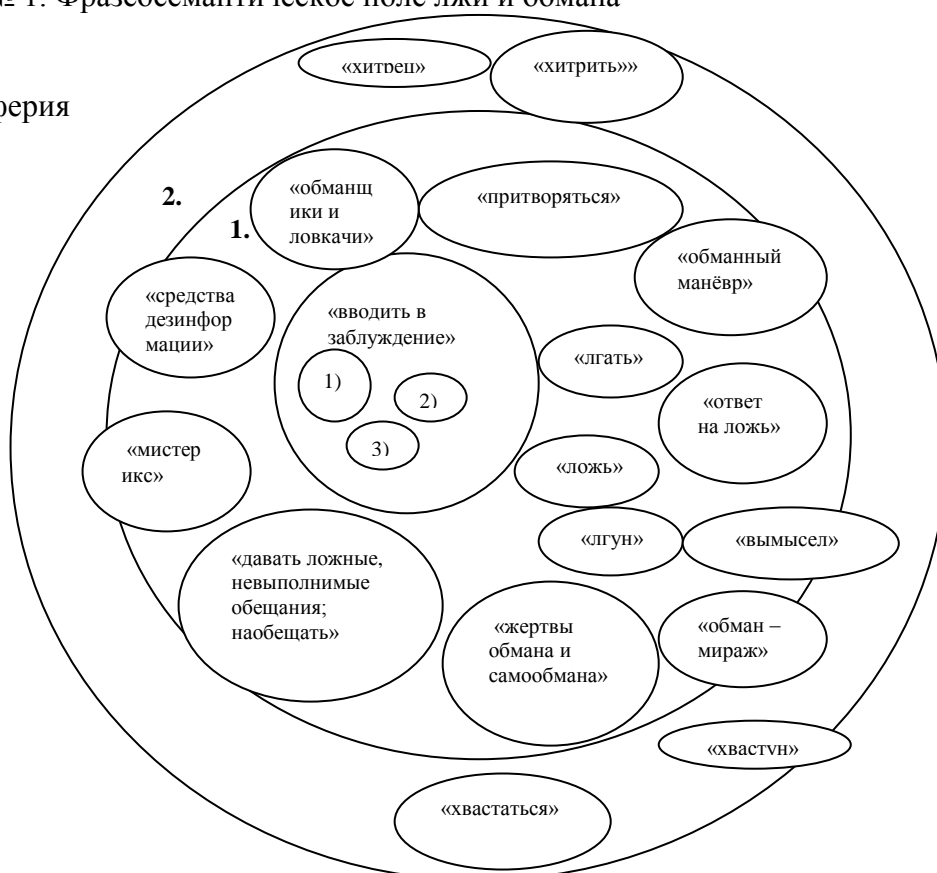
согласно использованным в работе фразеологическим и толковым словарям. В ходе анализа многозначных фразеологизмов учитывается только то значение, которое относится к ФСП лжи и обмана.

Предложенная выше классификация наглядно представлена на следующей схеме.

Схема № 1. Фразеосемантическое поле лжи и обмана

1. ядро

2. периферия

В параграфе **II.4 «Анализ межъязыковых соответствий фразеологизмов внутри фразеосемантических групп»** представлены ФСГ поля. Внутри каждой группы показаны структурно-семантические модели, по которым образованы русские и сербские фразеологические единицы, отмечены их схожесть и их различия, а также схожесть и различия образов ФЕ, в связи с чем выделены отношения полной или частичной эквивалентности и аналогии русских и сербских фразеологизмов.

1. В первую ФСГ – «лгать» – входят ФЕ, объединенные значением «лгать, врать, говорить неправду». Многие ФЕ данной группы образованы по модели глагол лгать (врать) + устойчивое сравнение (*врать как сивый мерин – лагати као пас (псето)*). В рамках группы выделены полные эквиваленты (*лгать без зазрения совести – лагати без гриже савести*), аналоги (*врать как Геббельс – лагати као Турчин*).

2. В ФСГ «ложь» вошли ФЕ, характеризующие различные виды такого явления, как ложь (русск. *ложь во спасение*; серб. *дебела (масна) лаж*).

3. В ФСГ «ответ на ложь» входят ФЕ, которые адресуются лживому, болтливому человеку: *ври больше, причај ми причу* и др. Структурно эти фразеологизмы организованы как

предложения с глаголом в императиве (чаще всего в форме 2 лица ед. ч.). В группу входят и национально-коннотированные ФЕ: *мели, Емеля, твоя неделя – жив ми Тодор, да се чини говор*.

4. В ФСГ «лгун» входят ФЕ, характеризующие человека, говорящего неправду, лжеца. Пять ФЕ данной группы по структуре являются фразеологизмами-предложениями (*соврет – недорого возьмет; чим зине – слаже*), остальные имеют прообразом литературных героев и исторических персонажей (*барон Мюнхгаузен – Лажа и Паралажа*). В группе выделен один полный эквивалент (*врет и не краснеет – лаже и не црвени*), один частичный эквивалент (*соврет (и) глазом не моргнет – лаже (слаже) и не трепње (трепне)*).

5. ФСГ «вводить в заблуждение» является наиболее обширной. В ней выделяются три типа ФЕ:

1) фразеологизмы, рисующие проникновение обмана в интеллектуальную сферу человека. Структурно-семантическая модель – воздействовать + орган мыслительной деятельности голова (башка, репа), мозг: *вкручивать мозги кому, солити памет коме*. Эквивалентные отношения в рамках группы образует одна пара: *промывать мозги кому – испирати мозак коме*.

2) фразеологизмы, в которых отражено воздействие на части тела человека (*глаза, уши, нос, губы, зубы, палец, ноги*). Здесь мы фиксируем отношения: а) полной эквивалентности *водить / провести за нос кого – вући / повући за нос кога*; б) частичной эквивалентности: *обводить / обвести (обернуть, окрутить) вокруг (кругом) пальца кого – обртати (омотати) око малог прста кога*; в) аналогии: *обуть на обе ноги кого – потковати опанке коме*.

3) фразеологизмы, образность которых построена на реалиях внешнего мира. Здесь выделены четыре ФСМГ.

ФСМГ «охота, рыбная ловля». В ФЕ данной группы действия обманщика уподобляются хитростям и уловкам охотники и рыбака, т.к. конечная его цель – ‘обмануть жертву и поймать ее в свои сети, подчинить ее себе’. В этой микрогруппе 5 ФЕ являются полными эквивалентами. Например: *поддевать / поддеть (поймать, подцепить) на удочку (на уд, на крючок) кого – упецати (ухватити) на удицу кога; ловить рыбу (рыбку) в мутной воде – ловити (рибу) у мутној води (у мутном)*.

ФСМГ «обман-игра». Во фразеологизмах данной группы обман уподоблен игре, в которой обманщик ‘намеренно скрывает, утаивает что-либо от кого-либо, вводит в заблуждение кого-либо’. ФЕ образованы по следующим структурно-семантическим моделям: глагол играть + во что (что) – *играть в жмурки с кем, играть в прятки с кем – играти се жмурке са ким; игра + ее название*: *игра в кошки-мышки – игра мачке и миша*; Среди ФЕ этой ФСМГ, за исключением русской национально-коннотированной ФЕ *кукольная (петрушкина) комедия* и сербской жаргонной ФЕ *провозати на рингишпилу кога* (букв. прокатить на карусели кога), мы можем констатировать отношения полной эквивалентности.

ФСМГ «нечестная торговля, нечестное обогащение» объединяет ФЕ со значением ‘наживаться нечестным, обманным путем’ (*греть / погреть (нагревать / нагреть) руку (руки) на чем; омастити брк (бркове, брке)* и т. п.). Внутри группы выделен синонимический ряд сербских ФЕ, в которых «торговый обман» используют для характеристики обмана вообще в различных житейских ситуациях: *дати проју за погачу, дати бабу за невесту, дати рог за свећу*. В русском языке данная модель менее развита. Фактически, она представлена лишь несколькими фразеологическими оборотами, а именно: *продавать / продать кота в мешке – продавати / продати мачка у џаку*.

ФСМГ «объехать на кривых» объединила различные, в т.ч. жаргонные ФЕ со значением ‘прибегая к различным уловкам, обманывать’: *брать / взять на понт кого – дићи на фору кога*. Следует отметить, что в ряду жаргонизмов наиболее сложно подобрать схожие образы в другом языке, ввиду узости языковой сферы, в которой они сформировались. В рамках группы можно говорить о некоторых аналогах: *на фуфу - на бомбу, на лажњака* и др.

6. В ФСГ «давать ложные, невыполнимые обещания; наобещать» вошли ФЕ, образованные по следующим моделям: глагол *обещать* + что: *обещать (сулить) златые горы кому – обећавати / обећати златна брда* коме. Таких ФЕ в сербском языке больше, чем в русском, некоторые из них уходят корнями в сербский эпос – *обећавати Маркове конаке* коме и др.; глагол *наговорить* + словосочетание: *наговорить (наобещать, наболтать, наврать, наплести, навешать) с три короба – причати / напричати триста чуда* коме; глагол *кормить* + чем: *кормить обещаниями кого – кљукати обећањима* кога. Здесь следует отметить, что в сербском языке нет ФЕ, образованных по модели глагол *мазать* + что, по чему (*мазать губы (по губам) кому, мазать / помазать по усам* кого).

7. В ФСГ «жертвы обмана и самообмана» входят ФЕ, описывающие состояние человека, ‘который стал жертвой разного рода ухищрений и обманов’, или ‘который обманулся в расчетах, оказался ни с чем, не добился никакого результата’. В группу входят национально-коннотированные ФЕ: *несолоно хлебавши (возвращаться, уходить)*; ряд полных эквивалентов: *попасться на удочку (крючок) – упецати се (ухватити се) на удицу* чију, коме; ряд частичных эквивалентов: *остаться с носом – остати дуга носа* и некоторые жаргонизмы: *падати / пасти на исту (фору)* коме.

8. Большинство сербских и русских фразеологизмов ФСГ «притворяться» имеют одинаковую структуру и образность. Выделяются полные эквиваленты по следующим моделям: глагол (*строить, разыгрывать, валять*) + кого или что (*разыгрывать дурака (дурачка) - правити се / направити се будала*); глагол *рядиться* + во что (*рядиться в чужие (навлиньи) перья – китити се / окитити се туђим перјем*). В ФСГ входит также целый ряд национально-коннотированных ФЕ. В русских ФЕ такого типа отражен собственно-русский национальный колорит (*ваньку валять, аноху строить, казанская сирота*). Сербские обороты содержат

компоненты-этнонимы (*правити се Енглез, правити се Кинез, правити се наиван као француска собарица*). Неодинаковые образы стали основой и некоторых жаргонных ФЕ, образованных по модели глагол *прикидываться / прикинуться + чем*: ср. русск. *прикинуться илангом (чайником, валетом)* и серб. *правити се слеп и глув (грбав)*.

9. В ФСГ «обманщики и ловкачи» вошли ФЕ, в основу которых заложены, помимо прочего, образы героев литературы и кино – мошенников, обманщиков, жуликов: *джентльмены удачи, сыновья лейтенанта Шмидта* и др. В компонентный состав других русских фразеологизмов данной ФСГ входят названия различных животных, насекомых и т.п. – *ворона, волк, гусь, жук*. Степень отрицательной оценки в этих фразеологических оборотах различна – от небольшой (*гусь лапчатый*) до более сильной (*жук навозный*). В рамках данной группы можно говорить только об аналогах: *нечист на руку – лева рука – десни џеп* (букв. левая рука – правый карман).

10. В основу русских оборотов ФСГ «обманный маневр» легли события мировой (*парфянское бегство*) и национальной (*белгородский кисель*) истории, которые описывают сознательную, заранее продуманную и спланированную военную или полувоенную хитрость. Полные эквиваленты в данной ФСГ: *троянский конь – тројански коњ; дары данайцев – дарови Данајаца, потемкинские деревни – Потемкинова села*.

11. В ФСГ «обман – мираж, иллюзия» входят ФЕ, обозначающие ‘что-л. несоответствующее действительности, невероятное, эфемерное’. В группе выделены: а) полные эквиваленты: *кот в мешке – мачак (мачка) у џаку*; б) частичные эквиваленты: *воздушный замок – ваздушне (зрачне, облачне) куле*; в) аналоги: *чудеса в решете – триста чуда*.

12. Внутри ФСГ «средства дезинформации» ФЕ подразделяются по видам СМИ (радио, телевидение, печать) и по степени лжи, распространяемой ими. В группе выделены а) полные эквиваленты (по-видимому, международные): *желтая пресса – жути штампа, газетная утка – новинарска патка*; б) аналоги *сарафанное радио – радио Милева; врать как американское радио – лагати као CNN*.

13. В оборотах ФСГ «вымысел» на первый план выступает сема ‘выдумка’. Некоторые русские и сербские фразеологизмы данной группы, являясь эквивалентами, имеют одинаковые структурные модели и образные основы: *бабушкины (бабы) сказки – бапске приче, рассказывать (сказывать) сказки – причати приче*. В аналогах данной группы отразились национальные реалии (русск. *развесистая клюква*; серб. *прича о црвеном (шареном) врапцу*).

14. В ФСГ «мистер икс» входят ФЕ, характеризующие ‘подставное, мнимое, или не существующее лицо (лица)’: *подпоручик (поручик) кижсе, свадебный (кондитерский) генерал, мертвые души*. Сербские ФЕ данной группы: *мртве душе, сумњиво лице* (вторая ФЕ базируется на названии известной комедии Б. Нушича «Подозрительная личность»).

На ближней и дальней периферии ФСП, пересекаясь по некоторым семантическим признакам с другими ФСГ данного поля, а также с другими ФСП, находятся фразеологизмы, сема обмана в которых присутствует, но выражена менее эксплицитно. К ближней периферии относятся ФСГ «хитрить» и ФСГ «хитрец», к дальней – ФСГ «хвастаться» и ФСГ «хвастун». На периферии поля фразеологизмам более свойственна «подвижность». Большинство периферийных ФЕ относятся к полю лжи и обмана лишь некоторыми оттенками своих значений. По другим признакам такие единицы относятся к другим ФСП.: *барон Мюнхгаузен* – ФСП «хвастовство», *лиса Патрикеевна* – ФСП «хитрость», *рыть яму кому* – ФСП «коварство», *нести (знать) чушь* – ФСП «пустословие».

Основное внимание в третьей главе **«Проблемы перевода фразеологических единиц в близкородственных языках»** уделено проблемам перевода фразеологизмов ФСП лжи и обмана с русского языка на сербский, и наоборот.

В параграфе **III.1. «Проблемы перевода фразеологических единиц в научной литературе»** рассмотрены основные труды Л.С. Бархударова, А.В. Федорова, В.Г. Костомарова, Е.М. Верещагина, В.Н. Крупнова, Я.И. Рецкера, Н.Л. Шадрин, А.В. Кунина, В.П. Рагойши, В.В. Сдобниква, О.В. Петровой, С. Влахова и С. Флорина, И. Клайна, М. Сибиновича, Р. Мароевича, Б. Хлебеца, Б. Голубович, посвященные данной проблематике, а также некоторые суждения известных русских писателей – Н.А. Некрасова, Н.В. Гоголя, В.Г. Короленко и др. – о проблеме перевода в близкородственных языках.

Большинство исследовательских работ по переводу выделяют три основных типа соответствий фразеологизмам оригинала: 1) с сохранением всего комплекса значений переводимой единицы (эквивалент); 2) передача значения ФЕ с помощью иного образа (аналог); 3) калькирование иноязычной ФЕ. Некоторые исследователи расширяют этот ряд: например, Н.Л. Шадрин пишет о 8 способах перевода ФЕ, включающих такие типы соответствий, как контекстуальный аналог (фразеологический, лексико-фразеологический) и окказиональное лексическое соответствие [Шадрин 1991:34].

Особое внимание при переводе ФЕ уделено «ложным фразеологическим эквивалентам», т.е. таким оборотам двух языков, «которые совпадают по составу и лексическому значению компонентов, синтаксической организации и стилистической характеристике, но имеют неодинаковое фразеологическое значение» [Шадрин 1991:45-46]. В нашем материале ложными фразеологическими эквивалентами являются:

1) *закидывать / закинуть удочку* – ‘осторожно намекнуть, задать вопрос (с целью узнать, походатайствовать)’ [СФСРЯ: 209] и *бацити удицу* коме – ‘устроить ловушку, западню кому-либо’ [FRHSJ: 711], ‘хитростью, коварством, обманым путем стараться приманить кого-либо ради своей выгоды’ [HFR: 320].

2) *пускать / пустить пыль в глаза* кому – ‘создавать ложное впечатление о себе у кого-либо, представляя себя, свое положение и т.п. лучше, чем есть на самом деле’ [ФСРЯ: 370] и *бацити / бацати прашину (песак) у очи* коме – ‘обмануть / обманывать кого-либо, вводить в заблуждение кого-либо’ [HFR: 232].

Во втором случае речь идет не о ложных фразеологических эквивалентах в полном смысле этого слова, поскольку русская ФЕ соответствует сербскому фразеологизму, но ее значение несколько уже: ‘хвастаясь, обманывать, создавать ложное впечатление *о себе*’, в то время как сербский фразеологизм означает обман вообще, любым способом, и степень пейоративности сербского оборота выше.

В параграфе **III.2. «Проблема перевода ФЕ с национальной спецификой»** приводится краткий обзор основных работ по данной проблематике.

Национально-специфический характер ФЕ обусловлен лингвистическими и экстралингвистическими факторами. Первые проявляются в том, что «для обозначения одних и тех же предметов, действий или качеств, для выражения одних и тех же мыслей разные языки пользуются несовпадающими лексическими и образными средствами». Вторые проявляются в наличии в компонентном составе ФЕ имен собственных, географических названий, упоминания исторических событий, предметов культуры и материального быта, обычаев, поверий и т.п. [Шадрин 1991, Верещагин, Костомаров 2005].

Фразеологизмы с выраженной национально-культурной коннотацией, которую В.Н. Телия понимает как «систему образов, которая служит своего рода “нишей” для кульминации мировидения и так или иначе связана с материальной, социальной или духовной культурой данной языковой общности, а потому может свидетельствовать о ее культурно-национальном опыте и традициях» [Телия 1996:215], иногда представляют настоящий вызов для переводчика (особенно не носителя языка), т.к. часто в таких фразеологических сочетаниях заключен эпизод исторического опыта народа, описание которого могло бы занять несколько страниц.

Примером ФЕ с национально-специфичной внутренней формой, отражающей факты русской истории и русского быта, послужила ФЕ *белгородский кисель* (*устар., редко шутл.* ‘о чем-либо ловком и хитроумном обмане’) [СРФ:261]. Это выражение связано с историческим событием – осадой Белгорода печенегам, отраженным в древнейшей русской летописи «Повесть временных лет». Представляется, что сербскому переводчику, не имеющему «фоновых знаний» о том, как хитроумно белгородцы спасли свой город от вражеской осады, было бы крайне сложно перевести строки современной русской поэтессы Д. Кан. В данном случае перевод ФЕ крайне осложнен жесткими рамками стихотворного текста, и переводчик вынужден будет прибегнуть, как нам кажется, к описательному раскрытию образа, данному в примечании. Перевод мог бы выглядеть, к примеру, так:

«Шли сюда печенег и половцы,
Чтоб вкусить *белгородский кисель*...
Белгородские добрые молодцы,
Провожали незваных отсель».

«Кренуше амо Печењези и Половци,
Да би „*белгородски кисель*“* пробали...
Храбри су их белгородски ратници,
Са својих земаља прогањали».

Отсутствие так называемых «фонových знаний», или «мультилингвомировидения» [Флорин 1983:135] является основной причиной неправильного перевода фразеологизмов на другой язык. Такие знания дают «совокупность представлений о том, что составляет реальный фон, на котором разворачивается картина жизни другой страны» [Федоров 2002:200]. В.С. Виноградов определяет «фонovou информацию» как «социокультурные сведения, характерные лишь для определенной нации или национальности, освоенные массой их представителей и отраженные в языке данной национальной общности» [Виноградов 2006:37]. «Фоновые знания» позволяют правильно интерпретировать не только эксплицитно выраженный, но и имплицитный смысл высказывания. Значительная часть переводческих ошибок проистекает от дефицита фоновых знаний [Хроленко 2009:17]. Такого мнения придерживаются и Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров, которые считают, что «человек, не располагающий фоновыми знаниями, не выйдет за пределы буквального понимания текстов» [Верещагин, Костомаров 2005:312]. Сербский поэт и переводчик М. Данойлич тоже касается этого вопроса, когда пишет, что «настоящим знанием языка нельзя овладеть без знания жизни народа, который на нем говорит» [Danajlić 1981:244].

Культурная, социально-бытовая, психологическая, географическая и языковая близость – в целом ряде случаев «облегчает переводчикам поиск соответствующих наименований, названий, определений» [Рагойша 1980:35]. Однако, как показывает практика, языковая близость обуславливает и целый ряд трудностей, незнакомых переводам с далеких языков.

В параграфе **III.3. «Перевод фразеологических единиц с именем собственным»** рассмотрены некоторые случаи перевода русских и сербских ФЕ, относящихся к ФСП лжи и обмана, в компонентный состав которых входят имена собственные. К ним относятся, в частности:

1) ФЕ *мели, Емеля, твоя неделя* (*ирон. или презр.* ‘о полном недоверии к чьим-либо словам, к чьему-либо рассказу’) [СРФ: 180]. Этот исконно русский оборот явился камнем преткновения для переводчика повести Ф.М. Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели» М. Кашанина:

«Снова всеобщий хохот.

– С наступающим днем! Да ты смотри, сколько дня-то ушло, человек несообразный!

– *Ври, Емеля, - твоя неделя!*

– По-нашему, хоть на час, да вскачь!» [Достоевский 1972: Т. 3. С. 22].

«Опет свеопшти кикот.

- Добро јутро! Де погледај колико је од јутра прошло, луди човече!
– *Лажу, Јемеля, твоја је недеља!*» [Достојевски 1977: Т. 11. С. 202].

Выражение *мели, Емеля, твоя неделя* «связано с русским обычаем (касающимся в основном женщин) чередовать по неделям выполнение членами семьи хозяйственных работ. Среди них был и помол зерна для выпечки хлеба на ручных жерновах. В рифмованном выражении совмещаются два значения слова *молоть* – ‘перемалывать зерно’ и ‘говорить вздор’.

Слово *неделя* прежде означало выходной день (от *не дел-ать*). В некоторых русских говорах до сих пор сохранилось слово *неделя* в значении ‘лентяй’, ‘бездельник’, т.е. ‘тот, который не работает’. Буквально это выражение, следовательно, значит: “Ври, болтай Емеля, пока твое бездельное время”. Имя *Емеля* символизировало в русском фольклоре неумного человека, дурачка. [СРФ:180]. В некоторых русских говорах именем *Емеля* (от греч. *Емельян* - ‘льстивый’) называют человека, который много говорит, болтуна [Даль: Т. II. С. 318, 343; СРП: 169].

Введенное в сербский перевод русское имя собственное *Јемеля*, так же как и полностью перенесенное словосочетание *твоја је недеља*, не вписываются в контекст, семантически ни с чем не ассоциируются и могут вызвать у сербского читателя лишь недоумение.

Во фразеологическом фонде сербского языка есть выражения, которыми можно было бы передать значение русского оборота *мели, Емеля, твоя неделя: млатити језиком, причати приче*. Ближким к русскому выражению по значению, а частично и по образности, является сербское выражение *млети као воденица* (букв. молоть как мельница). Однако оно куда сильнее, чем русское, и, помимо многоречивости, подчеркивает быстроту речи говорящего. Оправданным при переводе могло бы быть и использование не фразеологических средств, а экспрессивно окрашенных глаголов, таких как *лунати* (соответственно, перевод мог бы выглядеть так: „*Причај ми причу!*“, „*Не млати језиком!*“, „*Не лунај!*“ и т.п.).

Аналогом русского фразеологизма *мели, Емеля, твоя неделя* является и сербская фразеологическая единица *жив ми Тодор, да се чини говор*. В основе этого выражения лежит образ главного героя бродячего кукольного театра «Куку-Тодоре», популярного в Белграде до Первой мировой войны. Согласно словарю Матицы Сербской, *куку-Тодоре* – это и ‘розыгрыш куклами сюжета о человеке, продавшем душу дьяволу’, и ‘тряпичная кукла смешного вида в таком сюжете’ [РМС: Т. II. С. 117]. Главный персонаж кукольного театра, говорливый и остроумный Тодор, одетый в комический, не то сельский, не то городской костюм, обращаясь к публике, в шутиливой и сатирической манере критиковал власть и государственное устройство. К концу представления, когда критика становилась более острой, появлялся жандарм с палкой и угрожал говоруну избиением и тюрьмой. Представление заканчивалось появлением куклы-черта, уводящей болтуна-Тодора со сцены и плачем куклы-жены Тодора: «Куку, Тодоре, куку,

Тодоре!», по которому театральное представление и получило свое название [Мршевић 2008: 47-56].

В современном сербском языке выражение *жив ми Тодор, да се чини говор* встречается часто и употребляется по отношению к тому, ‘кто много попусту болтает, говорит явный вздор, кому не верят’.

Сербским фразеологическим оборотом *жив ми Тодор, да се чини говор* переводчик М. Бабович передал значение русского выражения *мели, Емеля, твоя неделя* при переводе рассказа А.П. Чехова «Шведская спичка»:

«- Что Николашка причастен в этом деле, - сказал он, - *non dicitandum est*. И по роже его видно, что он за штука... Не последнюю также роль в этом деле играет и скромный Псеков. Синие панталоны, смущение, лежание на печи от страха после убийства, *alibi* и Акулька.

- *Мели, Емеля, твоя неделя*. По-вашему, значит, тот и убийца, кто Акульку знал? Эх, вы, горячка! Соску бы вам сосать, а не дела разбирать! Вы тоже за Акулькой ухаживали, - значит и вы участник в этом деле?» [Чехов 1975: Т. 2. С. 210-211].

«- Да је Николашка умешан у овај злочин, - рече - *non dicitandum est*. <...> - *Жив ми Тодор да се чини говор!* По вашем мишљењу убица је онај ко је познавао Акуљку?» <...> [Чехов 1981: Т. 1. С. 298.].

Итак, в сербском языке имеются ФЕ, способные достаточно полноценно отразить значение русского устойчивого выражения с именем собственным *Емеля*. При этом, поскольку некоторые из них несут в себе ярко выраженный сербский национальный колорит, уместность их использования при переводе русских текстов зависит от правильного понимания переводчиком контекста всего произведения.

2) В компонентный состав сербской ФЕ *обећавати Маркове конаке* (букв. обещать, сулить Марковы дворцы), где конак – 1. Место ночлега, ночлег. 2. Дворец, княжеский двор [СРС: 217] – ‘обещать кому-либо очень много, все на свете’ [РМС: Т. II. С. 813; FRHSJ: 256], также входит имя собственное – *Марко*. Обширный цикл песен о юнаке и витязе Королевиче Марко занимает одно из важнейших мест в сербском эпосе. Королевич Марко – сербский Илья Муромец – фигура историческая, но в эпосе народный стихотворец награждает его свойствами сказочного героя. Исторически Марко – сын сербского короля Вукашина и сестры гайдука Момчила, Евросимы. В эпосе же Марко – сын змеи или сказочной вилы. В некоторых песнях вила при рождении награждает его богатырским здоровьем и исключительной храбростью. Его сказочно бесстрашный и выносливый конь Шарац говорит человеческим голосом и умеет пить вино. У Марко самая острая сабля, самое быстрое копье и самая тяжелая булава. Поэтому в современном языке, когда хотят охарактеризовать богатырски сильного, могучего человека, сербы используют ФЕ *јак као Краљевић Марко* – ‘очень сильный, богатырской силы’ [FRHSJ: 274] – т.е. ‘силен как Королевич Марко’. Русские аналоги этого сербского фразеологизма

следующие: *сильный как богатырь, сильный как Геракл (Геркулес), сильный как Самсон, сильный как лев* и т.п. «Первый из юнаков» – Королевич Марко, согласно легенде, мог изменить исход косовского сражения (1389 г.) в пользу сербов, но в силу роковых обстоятельств прибыл на поле боя слишком поздно. Эта легенда нашла свое отражение и во фразеологии. ФЕ *касно Марко на Косово дође, доцкан (касно) стиже на Косово Јанко* – (букв. поздно Марко на Косово прибыл) ‘поздно начинать что-либо, приниматься за дело, когда все уже совершилось’ [РМС: Т. III. С.10] – *прийти / явиться к шапочному разбору, время упущено, поезд ушел чей, после драки кулаками не машут.*

Исторический Марко стал королем после гибели своего отца короля Вукашина в битве на Марице 1371 г. и правил до 1395 г., когда погиб в битве при Ровинах. Эпический же Марко жил триста лет. Столицей и исторического, и эпического Королевича был город Прилеп в Вардарской Македонии. В некоторых песнях и город Прилеп, и «Марково царство» находятся на Косово, но это географически неверно. Рядом с Прилепом и сегодня можно увидеть развалины древнего города, которые в народе называют «Марков град». У такого героя, как Марко, по народному мнению, и «бели двори» должны быть редкостной красоты и сказочного богатства. Отсюда и ФЕ *обећавати Маркове конаке* – (букв. обещать кому-либо дворцы Королевича Марко) – ‘обещать кому-либо излишне много (с сомнением в реальной выполнимости обещанного), обманывать’ Ср. в русском: *сулить (обещать) золотые горы* кому-либо [СРФ: 128].

ФЕ *причати (распредати) Маркове конаке* имеет два значения: 1) ‘рассказывать придуманные, вымышленные, неправдоподобные истории’, *причати ловачке приче*; 2) ‘долго, нудно, излишне подробно, неинтересно рассказывать кому-либо что-либо’ [РМС: Т. II. С. 813; FRHSJ: 256]. Первому значению этой сербской ФЕ соответствует русский фразеологизм *рассказывать (сказывать) сказки*, второму – *точить лясы (балясы), разводиться антимионии, разводиться турусы (на колесах), разводиться тары-бары (тары да бары)* и т.п.

Трудности, с которыми сталкивается переводчик при переводе ФЕ с национальным именем собственным, подробно проанализированы и на примере ФЕ *лупати као луди Мујо у бубањ*: <...> *Iz mene je govorila srdžba a ne razlog ni pamet, pa sam lupao kao ljudi Mujo u bubanj.*) [Selimović 1973:203], переведенной на русский язык дословно: <...> *наяривал, как Мујо-дурачок в барабан.*)» [Селимович 1987:510] вместо правильного «*я нес Бог знает какую чушь*» и т.п.

В параграфе **III.4. «Перевод фразеологических единиц с компонентом-этнонимом»** рассмотрены случаи перевода фразеологизмов ФСП лжи и обмана, в компонентный состав которых входят наименования различных наций.

Фразеологических единиц с компонентом-этнонимом в современном сербском языке больше, чем в русском. Особенно это заметно в устойчивых сравнениях: многие человеческие качества оцениваются в сербских идиомах с помощью этнонимов, тогда как в русском в

качестве сравнений чаще выступают свойства природы, животного мира и т. п. Например: *лаже као Турчин – врет как сивый мерин, глуп као Босанац – тупой как пробка, как баран; пуши као Турчин – курит (дымит) как паровоз; није као Рус – пьет как лошадь; тачан као Швајцарац – точный как часы; ради као Црнац (Јапанац) – работает как вол; све једно исто као Шваба тра-ла-ла – заладил как попугай; има као Кинеза (Жутаћа) кога – тьма тьмущая, полным полно кого, чего и т.д..*

Приведенный ниже пример показывает, что даже в тех случаях, когда в сербском языке существует эквивалентная ФЕ или ФЕ-аналог без национального компонента, сербский переводчик может предпочесть более употребительный фразеологизм с национальным компонентом. Так, переводчик М. Бабович перевел индивидуально-авторский фразеологизм *лгати* как *сапожник* из романа Ф.М. Достоевского «Записки из подполья» сербским аналогом *лагати као Циганин*:

«Клянусь же вам, господа, что я ни одному, ни одному-таки словечку не верю из того, что теперь настроил! То есть я и верю, пожалуй, но в то же самое время, неизвестно почему, чувствую и подозреваю, что *вру как сапожник*» [Достоевский 1973: Т. 5. С. 121].

„Кунем вам се, господа, да не верујем ни у једну реч од свега овога што сам сад написао! Управо, ја и верујем, али у исто време, ни сам не знам зашто, осећам и слутим да *лажем као Циганин!* [Достојевски 1977: Т. 10. С. 342].

Переводчик мог, конечно, использовать широкоупотребительную сербскую ФЕ *лагати као нас*, однако он справедливо выбрал фразеологизм с компонентом-этнонимом, а поскольку цыгане живут и в России, и в Сербии, и являются и там и здесь героями пословиц, фразеологизмов, анекдотов, то такой перевод представляется удачным.

Наиболее частотными «национальными» компонентами сербских ФЕ являются *Турчин / турски (турок / турецкий)*: *лаже као Турчин, пуши као Турчин, није турска сила (притисла), куд сви Турци туд и мали Мујо (куд сви Турци туд и голи Хасан), проћи као поред турског гробља, бити дужан као Турска Царевина*. В этих фразеологических оборотах отразилась память сербского народа о турецком иге, установившемся на Балканах после битвы на Косовом поле в 1389 г., и о турках как врагах, чья политика строилась на обмане и устрашении. В настоящем параграфе рассмотрены случаи перевода ФЕ с компонентами *Турчин / турски, Енглец, Влах*.

1) ФЕ *лагати као Турчин (Туре)* – ‘невероятно сильно лгать, говорить чистую ложь’ [FRHSJ: 706] (русские аналоги: *врать без зазрения совести, врать как сивый мерин*). Не исключено, как уже отмечали некоторые исследователи [Пејановић 2005: 126–129, Mršević-Radović 2007: 99–114], что на формирование этого фразеологизма оказал влияние и меткий стих из известной поэмы П.П. Негоша «Горный венец»: «Трговац ти лаже са смијехом, жена лаже сузе просипљући, нико крупно ка Турчин не лаже» [Негош 1981:71]. «Торговец врет с улыбкой, женщина – слезы проливая, но так сильно, как турок, никто не врет» (перевод наш).

В данном параграфе приводится случай перевода ФЕ с компонентом *турецкий* (*пролазити / проћи као поред турског гробља*; букв. проходить как мимо турецкого кладбища – ‘не замечать кого-нибудь, не обращать внимания на кого-нибудь’ [СРФС: 51]), в котором переводчик, не поняв характера изображения турок в сербской фразеологической картине мира (‘обманщики, завоеватели, лукавые враги’), допустил неточность, дав буквальный перевод:

– ‘Оћемо л’ мало да се одморимо! – запита Пера, који је нерадо *пролазио* поред *чарде* као поред *турског гробља*‘ [Сремац 1967:242].

– Не передохнем ли малость? – спросил Пера, который не любил *проезжать* мимо корчмы, как *мимо турецкого кладбища*» [Сремац 1986:305]. Возможно, во избежание неясности, здесь следовало бы при переводе вообще исключить фразеологизм с национальным колоритом. Например: «Перо не мог проехать мимо корчмы просто так, без остановки».

2) ФЕ *правити се Енглеz* (*Кинез*) (букв. прикидываться англичанином, прикидываться китайцем) – ‘прикидываться непонимающим, изображать непонимание’ [FRHSJ: 355] – *строит дурака, прикинуться дураком, разыгрывать из себя дурачка* встречаются в современном языке довольно часто. Например:

«Mali, nemoj slučajno da zaspíš! Vodi računa!», preti mu Ostojić prstom i upozorava: «Ustaše su blizu!» Mali ćuti i čeka da prođemo. «Je l’ ti čuješ, il’ se *praviš Englez...?*» [Jovanović 2003:190].

«Ты, парень, смотри, не засни! Следи, давай!» – Остоич грозит ему пальцем и предупреждает: «Усташи рядом!» Парень молчит и ждет, когда мы пройдем. «Ты что, не слышишь, или *дурачком прикидываешься?*» (перевод наш).

В словарях эта ФЕ обычно дается в одном ряду с выражением *правити се Тоша*, хотя в выражении *правити се Енглеz*, помимо языкового непонимания, отмечается также холодность, надменность и сдержанность характера, присущие, в представлении сербов, жителям Англии. Осмелимся предположить, что на закрепление в языке этой ФЕ повлиял и образ странного англичанина, героя повести «Редкий зверь» известного сербского писателя М. Глишича.

Вот как отражен сербский фразеологический оборот *правити се Енглеz* в русском переводе комедии Б. Нушича «Госпожа Министерша»:

«Ната (излази из себе, Живка за њом): Кажем вам, госпа-Живка, немојте ви мени узимати срцу. Тако вам је то: док сам била министарка, цео свет око мене; те сви ми пријатељи, те сви ме поштују, те пуна ми кућа посета. <...> Па онда, женска друштва бирају вас за управну чланицу, певачка друштва бирају вас за патронесу, и тако све редом. А кад престанете бити министарка, *праве се сви Енглези*» [Нушић 1978:344].

Перевод (Т.Вирта): «Ната (появляется из правой двери, за ней Живка): Не принимайте все это так близко к сердцу, госпожа Живка! Так оно и бывает: пока я министершей была, все так и липли ко мне; все-то мне ближайšie друзья, все-то мне почтение оказывают, вечно полный дом народа. <...> Женские общества выбирают вас в правления, певческие общества

патронессой, и все такое прочее. А кончился ваш министерский срок, тут все *этаких англичан разыгрывать из себя начинают*» [Нушич 1988: Т. 3. С. 452].

Как видим, переводчик попросту не понял, что имеет дело с фразеологизмом. Поскольку в данном контексте ФЕ *правити се Енглез* употреблено Б. Нушичем в своем основном значении (*разыгрывать непонимание, холодность, равнодушие*), то переводчик мог бы использовать следующий фразеологический оборот: *все прикидываются дурачками, немymi и т.п.* (или – все от вас отворачиваются, все вас перестают замечать).

3) ФЕ *лагати тако да се Власи не досеете* – (лгать так) ‘чтобы скрыть настоящее положение дел’ [РС: Т. I. С. 399]. На первый взгляд, в этом обороте отразились некоторые негативные представления сербов о валашском народе. Существует пословица, зафиксированная В.С. Караджичем: *ни у тикви суда, ни у Влаху друга*, (вариант: *ни у тикву суда, ни у страшљивца друга*) (букв. тыква не сосуд – Влах (трус) не друг) [Караџић 1965: 383]. И в ФЕ, и в пословице Влах пишется, как и все национальности в сербском языке, с большой буквы, из чего можно сделать вывод, что Влах – это представитель валашского народа, которому сербы приписывают лживость и непостоянство, на которого нельзя положиться. Однако слово Влах является многозначным: 1. Валах (житель Валахии); 2. Разг. Румын; 3. Уст., ирон. Турки, иноверные сербы и хорваты о православном сербе; 4. Островные жители Далмации о крестьянине побережья [СРС:54].

Возможно, в этой ФЕ суждение идет от имени турок – иноверных захватчиков, ведущих свою политику согласно принципу «разделяй и властвуй». При этом турки обманывают так, чтобы влахи (православные сербы) не догадались об их хитростях и обмане. С другой стороны, вариант этой ФЕ *да се Турци не досете*, иногда встречающийся в современном языке, указывает, что обману могут подвергаться и другие народы, а точнее – просто все окружающие. Таким образом, национальный компонент фразеологизма практически утратил свое «национальное» значение. *Влахами* в этой ФЕ, в ее современном понимании, могут быть любые народы, фактически – любая группа лиц, в значении ‘чужие люди’ или ‘дураки’.

Подтверждением тому служат примеры из современной сербской периодики:

«Kakvo napuštanje stranke? Trnavčević je to uradio po zadatku, po sistemu «*da se Turci / Vlasi ne dosete*» [http://www.pressonline.rs/sr/vesti/vesti_dana].

«Какой выход из партии? Трнавчевич это сделал по заданию, по принципу «*только бы дураки не догадались*» (перевод наш).

При таком переводе национальный колорит сербского оборота снижается, что требует от переводчика сознательного усиления его в другом, более удобном для этого месте, согласно правилу компенсации.

В параграфе **III.5. «Буквальный перевод фразеологических единиц»** рассмотрены случаи ошибочного дословного перевода русских фразеологических единиц ФСП лжи и обмана на

сербский язык. Подобные ошибки в случае с русским и сербским языком особенно многочисленны в силу их близкородственности.

Неправильным следует признать перевод русской фразеологической единицы *наговорить* (*наврать, наобещать*) *с три короба* – ирон. ‘очень много наговорить, наобещать, наврать’ [СРФ:305], встречающейся в романе Ф.М. Достоевского «Бесы», сербским выражением *напричати три пуне торбе*. Устойчивое выражение *наврать с три короба*, возможно, образованное редукцией русской поговорки *с три короба наврет, да недорого возьмет*, по мнению авторов Историко-этимологического словаря-справочника по русской фразеологии, происходит из крестьянского торгового быта, где короб – ‘плетеное изделие вроде корзины для хранения и переноски чего-либо’. Мелкие торговцы, коробейники разносили в коробах различные товары: ткани, платки, книги, продукты и торговали ими. Уговаривая покупателей приобрести у них товар, коробейники часто преувеличивали достоинства своих товаров, насаживали «с три короба» [СРФ:305].

Приведем оригинальный русский текст и его сербский перевод:

«Николай Всеволодович тотчас же заключился в самое строгое молчание, чем, разумеется, удовлетворил всех гораздо более, чем если бы *наговорил с три короба*» [Достоевский 1972: Т. 10. С. 234] .

«А Николај Всеволодович се одмах затвори у најстроже ћутање; тим је, наравно, свакога задовољио много више него да је *напричао пуне три торбе*» [Достојевски 1977: Т. 6. Књ. 1. С. 321].

В данном случае мы видим буквальный перевод русской ФЕ, хотя русская реалия *короб* переведена здесь не дословно (как *кошара, корпа* или *крто од луба*), а как *торба*, т.е. ‘сумка’. Выражение *напричати пуне три торбе*, использованное переводчиком, не является устойчивым выражением в сербском языке, звучит необычно, и поэтому такая калька с русского не приобретает в языке перевода адекватного значения, хотя общий смысл ее можно уловить, т.к. в сербском языке *лажиторба* означает ‘большой обманщик, вун’ [РМС: Т. III, С. 155]. Потеряв русскую образность, переводчик в этом случае не создал адекватной сербской.

В сербском языке значение ‘очень много наговорить, наобещать, наврать’ имеют и следующие фразеологизмы: *обећати златна брда (и долине)*, *обећати златне куле* коме, *обећати мед и млеко* коме, *обећати Маркове конаке*, *напричати триста чуда* и др. Однако они обладают куда более выраженной экспрессией. Наиболее верным переводом конкретного пассажа явился бы, на наш взгляд, перевод ФЕ при помощи выражения *напричати свашта (којешта)* (букв. наговорить что угодно), поскольку Ф.М. Достоевский, как нам кажется, употребил здесь данный фразеологический оборот в значении ‘много говорить’, а сема обмана отошла на второй план.

Почти буквальный перевод этой же русской ФЕ – *наобещать с три короба*, встречающейся в романе Ф.М. Достоевского «Подросток», дает и другой сербский переводчик – М. Ивкович:

«А он-то как раз: «Совершенная, говорит, ваша правда, сударыня. Версилов, говорит, это точь-в-точь как генералы здешние, которых в газетах описывают; разоденется генерал во все ордена и пойдет по всем гувернанткам, что в газетах публикуются, и ходит и что надо находит; а коли не найдет чего надо, посидит, поговорит, *наобещает с три короба* и уйдет, и все-таки развлечение себе доставил» [Достоевский 1975: Т. 13. С. 146].

«Имате потпуно право, госпођице, вели. Версилов, вели, то је човек као неки овдашњи генерали о којима пишу у новинама; накити се генерал, са свим ордењем и обилази све гувернанте које дају огласе по новинама, иде тако и нађе што тражи; а ако не нађе што тражи, поседи мало, поразговара, *да пуну корпу обећања* и оде – бар је имао мало разонођења» [Достојевски 1977: Т. 8. С. 204].

Как и в предыдущем примере, общий смысл этого выражения понятен сербскому читателю. *Пуна корзпа обећања* в приведенном переводе дословно значит «полная корзина обещаний», т.е. много обещаний. И все же перевод был бы адекватным, более правильным и стилистически выигрышным, если бы переводчик употребил какой-либо из сербских устойчивых оборотов: *обећати златна брда* коме и т.п. Таким образом, перевод мог бы выглядеть так: „<...> ...поседи мало, поразговара, *обећа златна брда* и оде ...“.

К неправильному переводу мы относим и такой дословный перевод собственно русского выражения *греть / погреть (нагревать / нагреть) руку (руки)* на чем – ‘наживаться на чем-либо обманным, бесчестным путем’ [СФСРЯ:100], как *грејати руке*.

Многие исследователи считают, что выражение *греть руки* первоначально употреблялось в воровском аргю и вошло в литературный язык в XVIII веке. По другому предположению, принадлежащему Ю.А.Гвоздареву, фразеологизм связан с обычаем разводить костры во время поминок умерших, чтобы душа покойника могла прийти и погреться у костра, погреть руки [СРФ:501]. Использованная переводчиком калька *грејати руке* код кога не обладает в сербском языке переносным значением:

«Бедняжка разом очутилась игральщиком самых различных влияний, в то же время вполне воображая себя оригинальной. Многие мастера *погрели около нее руки* и воспользовались ее простодушием в краткий срок ее губернаторства» [Достоевский 1972: Т. 10. С. 268].

«Убрзо је тако постала играчка најразличитијих утицаја; а у исти мах је, и то за кратко време њена губернаторовања, уобразила да је врло индивидуална. Много је вештих мајстора *грејало руке код ње* и користило се њеном простодушношћу» [Достојевски 1977: Т. 7. Књ. 2. С. 8.].

Из такого дословного варианта перевода сербский читатель может сделать вывод, что к губернаторше из романа Ф.М. Достоевского «Бесы» люди просто приходили погреться. В данном случае было бы целесообразным использование сербского фразеологического аналога *напунити / пунити џепове* со значением ‘нечестным, обманным путем нажиться, разбогатеть на каком-либо деле’ [РМС: Т.VI. С. 914] или устойчивого словосочетания *обогатити се на туђ рачун*. Удачным переводческим решением могло бы стать и употребление экспрессивно окрашенных глаголов, таких как *овајдити се о кога*, *ушићарити ита на рачун кога*. Нередко нефразеологизированный перевод ФЕ является более точным вариантом передачи оттенков ее значения. При этом все подобные утраты фразеологизмов в переводе должны компенсироваться появлением дополнительных ФЕ в тексте перевода. И. Левый называет компенсацию одним из видов субституции. Автор считает, что в некоторых случаях текст при переводе неизбежно обедняется и его следует обогащать в других местах [Левый 1974:148].

В параграфе **III. 6. «Перевод многозначных фразеологических единиц»** рассмотрены некоторые случаи перевода полисемичных фразеологизмов. В параграфе указывается, что существует крайне мало сербских и русских многозначных фразеологизмов, которые синонимичны во всех своих значениях и могут быть названы полными фразеологическими эквивалентами, как, например, многозначная ФЕ *становиться / стать на ноги* – 1) ‘выздоровливать, оправляться от болезни’; 2) ‘делаться самостоятельным, приобретать независимое положение’; 3) ‘поправлять, улучшать свое экономическое, материальное положение’ [ФСРЯ: 453], полным фразеологическим эквивалентом которой является сербская ФЕ *стати на (властите, своје, сопствене) ноге*.

Чаще всего перевод многозначных фразеологизмов еще больше осложняет работу переводчика, поскольку полисемичные фразеологизмы могут быть эквивалентны только в одном из своих значений. Проанализировав семантику таких ФЕ, относящихся к фразеосемантическому полю лжи и обмана, мы постарались подобрать фразеологические соответствия к каждому из их значений:

1. *Брать / взять на пушку кого* – 1) *прост.* ‘действуя обманным путем, прибегая к различным уловкам, ухищрениям, добиваться от кого-либо чего-либо’; 2) ‘запугивая, угрожая, добиваться от кого-либо чего-либо’ [ФСРЯ: 46]. Сербский фразеологический аналог *упецати на удицу кога* соответствует первому значению русской ФЕ, а *узети на нишан кога* – второму.

2. *Убить бобра* – 1) *ирон.* ‘обмануться в расчетах, предпочтя плохое хорошему или худшее – лучшему’; 2) *прост.* ‘приобрести что-либо очень ценное или добиться чего-либо значительного’ [ФСРЯ: 487]. Этот русский фразеологизм в первом значении можно передать на сербском языке выражением – *спасти (прећи, сјахати) с коња на магарца*, а во втором – *ухватити Бога за скуте, пуна шака браде, бити на коњу*.

3. *Омастити брк (бркове, брке)* – 1) ‘насытиться, наестся досыта вкусной и жирной пищи’; 2) ‘извлекать пользу из чего-либо, наживаться на чем-либо’ [HFR: 33]. Первому значению сербского оборота соответствует русская ФЕ *до отвала (наестся)*; второму – *греть / нагреть руки* на чем-либо.

В таких случаях переводчик должен сам, в зависимости от контекста, выбрать адекватную ФЕ в языке перевода. При этом возможная многозначность ФЕ языка оригинала теряется.

Также в данном параграфе подробно рассмотрены употребление и пример перевода сербского фразеологизма *солити памет (мозак)* коме, который имеет два значения: 1) ‘поучать кого-нибудь, навязывать свое мнение’; 2) ‘преднамеренно внушать что-нибудь заведомо ложное, неправильное, стараясь обмануть, провести кого-нибудь’ [СРФС: 141].

Во втором значении эта ФЕ использована в произведении С. Сремца «Поп Чира и поп Спира»: «- Ама кад ти кажем, уверава га поп Спира – промијениће се.

- Та немојте ми, господин-попо, *солити памет...*» [Сремац 1967:232].

«- Говорю тебе, разгуляется, уверяет отец Спира.

- Да бросьте вы мне *мозги солить*, ваше преподобие...» [Сремац 1986:297].

Калькирование в данном случае не придало национального колорита, не помогло сохранить и стилистику оригинала, а главное – не передало фразеологизм оригинала в верном значении. Первое значение сербского выражения *солити памет* коме можно передать русским аналогом *капать на мозги* кому – ‘постоянно, возвращаясь вновь и вновь, твердить кому-либо об одном и том же’ [СФСРЯ:139]. Из контекста ясно, что ФЕ употреблена писателем во втором ее значении. Поэтому верным решением при переводе было бы, на наш взгляд, применение русских аналогов: *пудрить мозги* кому, *вкручивать мозги* кому – ‘внушать кому-либо ложные представления о чем-либо; обманывать кого-либо’ [СФСРЯ:124]. Правильный перевод текста мог бы выглядеть следующим образом:

«Да говорю же я тебе, разгуляется погода – твердит поп Спира.

– Да Вы *мозги-то мне не пудрите*, Ваше преподобие...».

В **Заключении** подведены итоги работы в соответствии с основными положениями, выносимыми на защиту, целью и задачами исследования.

1. Языковая картина мира является объектом изучения различных дисциплин: когнитивной лингвистики, психолингвистики, этнолингвистики, социолингвистики, лингвокультурологии. ЯКМ является одним из самых очевидных подтверждений изоморфности языка и культуры.

2. Изучение языковой картины мира может проводиться по составляющим ее фрагментам, в качестве которых можно рассматривать фразеосемантические поля. Под

фразеосемантическим полем понимается совокупность фразеологических единиц различных лексико-грамматических разрядов, объединенных определенным семантическим признаком.

3. Проводить исследование фразеосемантического поля целесообразно по составляющим его фразеосемантическим группам, образующим ядро и периферию ФСП. Фразеосемантическое поле предоставляет возможность описать универсальное и специфичное в репрезентируемом фрагменте языковой картины мира.

4. Существенное количество фразеологических единиц со значением лжи и обмана в русском и сербском языках, высокая частотность их употребления в современном языке свидетельствует о том, что фразеосемантическое поле лжи и обмана является важным фрагментом русской и сербской фразеологической картины мира.

5. Большинство фразеологизмов поля лжи и обмана в обоих языках образуются по одинаковым структурно-семантическим моделям, что обусловлено родственной близостью двух славянских языков. Этим объясняется и большое количество полных и частичных эквивалентов в русском и сербском языках. Наибольшее количество полных фразеологических эквивалентов выявлено внутри группы «обман-игра».

6. И в русском, и в сербском языке «носителями лжи» в ФЕ выступают, в основном, представители животного мира. Компонентный состав устойчивых сравнений русских и сербских ФЕ с названиями представителей животного мира в подавляющем большинстве случаев совпадает (*лиса, змея* – ‘хитрость’, *петух, павлин* – ‘хвастовство’). При этом некоторые компоненты-зоонимы оцениваются в двух фразеологических картинах мира по-разному: так, в сербском языке зайцу приписываются только такие качества, как *пугливость* и *быстрота*, тогда как в русском, помимо них, зайцу еще присуще и *хвастовство*, т.е. – периферийное значение поля лжи и обмана (ср. русск. *заяц-хваста*).

7. В русском языке основой фразеологизмов с семой лжи и обмана довольно часто служат литературные и исторические персонажи (*барон Мюнхгаузен*), исторические реалии и явления (*белгородский кисель*), библеизмы (*ложь во спасение*). Количество таких единиц в сербском языке невелико; практически, речь идет лишь о единичных реалиях сербского эпоса (*обећавати Маркове конаке*).

8. Многие русские и сербские ФЕ данного поля включают в себя соматизмы (*уши, нос, глаза, палец, мозг*), функция которых как объекта воздействия одинакова (*обернуть вокруг пальца кого – обрнути око малог прста кога, водить за нос кого – вући за нос кога, вешать лапшу на уши кому – пунити уши коме*). Также часто совпадают в двух языках и «средства обмана» (*пыль – прашина, розовые очки – ружичасте наочаре*), и «обманные действия» (*поймать, поддеть – ухватити, упецати*). Однако в русском языке эта ФСГ гораздо больше и ряд используемых соматизмов шире (только в русском: *борода, губы, усы*).

9. В компонентный состав сербских фразеологизмов ФСП лжи и обмана часто входят этнонимы (*лагати као Турчин, лагати као Циганин, правити се Енглеz*), в то время как в русском языке среди единиц данного поля такие фразеологизмы крайне редки.

10. Среди фразеологизмов обоих языков выделяются группы, в которых обман представлен в терминах жизнедеятельности человека, его ремесла. Это группы – «охота, рыбная ловля» и «нечестная торговля, нечестное обогащение». Следует отметить, что ФСГ «охота, рыбная ловля» более развита в русском языке, тогда как ФСГ «нечестная торговля» более широко представлена в сербском, что обусловлено особенностями быта и занятий двух народов.

11. В обоих языках в компонентный состав ФЕ входит национальная обувь, и сам процесс ее надевания или ремонта связывается с обманом (*обуть в лапти, потковати опанке*).

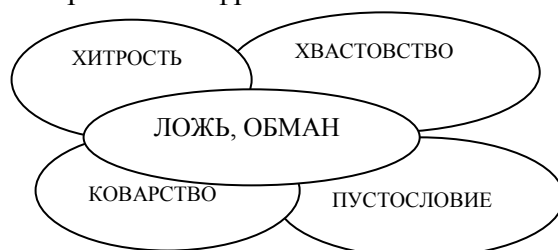
12. Среди новых фразеологизмов данного поля, свидетельствующих о динамичности его развития, в обоих языках отмечаются ФЕ с одинаковой образностью, в которых источником лжи выступают средства информации США (*врать как американское радио, лагати као CNN*).

13. При схожести, в том числе лексической, многих русских и сербских ФЕ наиболее продуктивные и частотные глаголы, формирующие фразеологизмы данного поля в двух языках, различны (Ср.: русск. *брать / взять, поймать на, оставлять с, лить / отливать*; серб. *давати / дати, обећавати / обећати, ударити*).

14. Наименьшая схожесть образных основ русских и сербских фразеологизмов данного поля отмечается в жаргонных ФЕ в силу естественной замкнутости жаргонной среды в обеих культурах.

15. ФСП лжи и обмана является сложным системным образованием, которое отличается динамичностью состава и незамкнутостью границ. Границы поля открыты для новых единиц (в том числе жаргонизмов). Позволительно также говорить о пересечении ФСП лжи и обмана не только с проанализированными в работе ФСП «хитрость» и «хвастовство», но и с такими ФСП, как «коварство», «пустословие» и т.п. На схеме такое пересечение фразеосемантических полей можно представить следующим образом.

Схема № 2. Пересечение фразеосемантических полей.

16. Наибольшую сложность для перевода с близкородственного языка представляют ФЕ с национальной спецификой, в которых отразились народные обычаи, исторические события и

реалии, в особенности те ФЕ, в компонентный состав которых входят собственные имена героев национального эпоса, сказок, анекдотов (*Емеля, Марко, Муйо* и т.п.).

17. Перевод ФЕ с близкородственных языков довольно часто приводит к неправильному буквальному переводу. Так, к примеру, перевод русского фразеологизма *греть руки* на ком-либо, сербским *grejati руке* око кога, безусловно, ошибочен, т.к. в сербском языке данное словосочетание не имеет никакого переносного значения. Однако к еще более серьезному затруднению в понимании оригинального текста приводит перевод фразеологизма «ложным фразеологическим эквивалентом» (ср. русск. *закинуть удочку* и серб. *бацити удицу*).

18. Перевод ФЕ с компонентом-этнонимом также является сложной задачей, поскольку в таких ФЕ отразились представления одного этноса о другом этносе, с которым он входил в исторические соприкосновения. В силу близости языков, истории и религии русского и сербского народов для части национально-коннотированных ФЕ (например, с компонентом-этнонимом *цыган, турок*) может быть подобрано соответствие с сохранением национальной составляющей. Но такой перевод ФЕ всегда сопряжен с определенным риском, т.к. близость фразеологических картин мира двух народов вовсе не означает их тождества.

19. Серьезную проблему представляет и поиск эквивалента или правильного фразеологического соответствия при переводе многозначных ФЕ, поскольку большинство полисемичных фразеологизмов являются эквивалентами только в одном из своих значений. Адекватный перевод таких ФЕ – свидетельство высокой квалификации переводчика, т.к. неправильный выбор переводчиком одного из значений многозначной ФЕ способен исказить не только смысл конкретной фразы, но и стилистику оригинала.

20. Предложенные нами способы перевода ФЕ являются лишь возможными вариантами осуществления тех или иных переводческих задач. Универсальных решений в этой области нет, и переводчику должны помогать его собственное языковое чутье, широкие «фоновые знания» и хорошее знание фразеологического фонда языка оригинала и языка перевода.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

Статьи в ведущих рецензируемых журналах и изданиях, рекомендованных ВАК:

1. О некоторых фразеологизмах со значением «лгать» в русском языке в сопоставлении с сербским языком // Вестник СПбГУ. Серия 9. Филология, востоковедение, журналистика. Вып. 2, Ч. 1. СПб., июнь 2007 год. С. 54-58.

Статьи:

1. Фразеологические единицы фразеосемантического поля «лгать, обманывать» в русском и сербском языках // Материалы XXXI Всероссийской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. Выпуск 5. Фразеология. 11-16 марта 2002. Санкт-Петербург. Филологический факультет СПбГУ. 2002. С. 14-17.

2. Фразеологические единицы микрополя «обманывать» в русском и сербском языках // Проблемы фразеологической и лексической семантики. Материалы Международной научной конференции (Кострома, 18-20 марта 2004). М.: ООО «ИТИ ТЕХНОЛОГИ», 2004. С. 188-192.
3. История изучения русско-сербских фразеологических взаимосвязей // Слово в словаре и дискурсе: Сборник научных статей к 50-летию Харри Вальтера. М.: ООО «Издательство “Эллипс”», 2006. С. 416-420.
4. Фразеологические единицы из сербского эпоса и их перевод на русский язык // Проблемы семантики языковых единиц в контексте культуры (лингвистический и лингвометодический аспекты): Международная научно-практическая конференция 17-19 марта 2006. М.: ООО «Издательство “Эллипс”», 2006. С. 413-418.
5. О некоторых сербских фразеологизмах с компонентом национальности // Phraseologie und Text. Materialien der XXXVIII internationalen wissenschaftlich-metodischen Konferenz Fakultät für Philologien und Kunst der Staatlichen Universität Sankt Petersburg. Greifswald – Sankt Petersburg, 2010. С. 58-66.